ментарию известные «синие очи пьяницы» — фразу, вошедшую во многие древнерусские тексты, источник которой указан И. И. Срезневским в «Материалах» и которая позволяет предположить наличие ряда синий—багровый?

Между прочим, диспропорция, о которой говорилось выше, неизбежна. По современным данным, человеческий глаз различает около ста пятидесяти цветовых тонов, количество различаемых оттенков в ахроматическом ряду — примерно тысяча.[8] В то же время в любом языке число простых и составных наименований цвета в совокупности не превышает нескольких сот. Другое дело, что диспропорция между реальными возможностями зрения и языком была исторически изменчивой, что объясняет и «странности» гомеровой системы эпитетов. Однако этот вопрос выходит за рамки нашей темы.

С появлением структурной лингвистики цветовые определения не раз привлекали внимание языковедов. Это вполне естественно: «Теория поля охватывает ... множество точек зрения, представляющих собой ... варианты общей идеи — идеи смысловой связи слов друг с другом».[9] Какой бы термин мы ни предпочли — «поле», «смысловая область» (В. Бетц) или «группа» (А. Йоллес) — каждый, вне всякого сомнения, согласится, что цветовые определения представляют собой очевидный, а потому притягательный для исследователя понятийный «срез».[10] В последнее время и советские лингвисты занялись словами, обозначающими цвет в русском языке, между прочим и с позиций теории поля.[11] Работы такого рода — к сожалению, немногочисленные — ценны, разумеется, и для историка литературы, и не только по той причине, что они дают материал для самостоятельных изысканий, в частности стилистических. Полезно, например, исследование частотности и активности членов «цветовой группы», что позволяет говорить об эмоциональном элементе и, следовательно, относится также к эстетике.

Тем не менее литературоведу придется проводить специальную работу, которая лингвистов, по-видимому, не интересует. Структурное языкознание считается, пользуясь термином Й. Трира, только с «мировоззрением языка», в то время как наша задача — очертить «мировоззрение литературы», и именно художественной, которое определяет отбор, использование и совмещение, притяжение и отталкивание определенных языковых фактов.

В средневековой словесности абстрактный понятийный «срез» реализуется вполне конкретно — в письменных памятниках различного функционального задания, художественного и нехудожественного, притом в оригинальных и переводных, в устном народном творчестве, которое известно нам лишь в поздних записях, а также в непосредственном общении между людьми, которое нашему анализу неподвластно. Эпос и художественная литература средневековья, по принятому в науке мнению, строились по общим законам этикетной поэтики (пусть в обоих случаях

---

[8] См. Ф. Н. Шемякин. К вопросу об отношении слова и наглядного образа, стр. 5 и сл. См. также: С. В. Кравков. Цветовое зрение. М., 1951.

[9] А. Н. Кузнецова. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. (Из истории разработки данной проблемы в современном буржуазном языкознании). М., 1963, стр. 11.

[10] Ср., в частности, работы на материале славянских языков: Gunnar Herne Die slawischen Farbenbenennung. Eine semasiologisch-etymologische Untersuchung. Uppsala, 1954; A. Zagręba. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954 (Komitet językoznawstwa Polskiej Akademii nauk. Prace Językoznawcze, 3).

[11] В. А. Москович. Опыт квантитативной типологии семантического поля — Вопросы языкознания, М., 1965, № 4, стр. 80—91.